

– Человек и смертен, и бессмертен. А поэзия? Или она по-прежнему «высокая болезнь»?

– Знаете, поэзия такая вещь, что быстро устаревает. В свое время Ломоносов был очень актуальным – а что сейчас? Пушкин был возведен в культ, но и он устаревает. Зачем читать Пушкина в двадцать первом веке? «Евгений Онегин» – хороший текст, но там столько непонятного современному человеку, разве нет?

Устаревает все на свете, и никто не знает, с какой скоростью. Возможно, уже завтра Вселенная схлопнется.

– Книга сегодня – товар, продукт, проект? Или что-то другое?

– Поэт именно книгой и мыслит. За всю жизнь поэт пишет несколько книг. Думаю, книга, как привычный нам феномен, предмет, не уйдет – но будет ходить разными путями, приобретая новых читателей.

– Как пережили годы, когда у вас не было новых стихов?

– Была целая гамма эмоций: страх, отчаянье, гнев, принятие реальности... Однажды даже сказал себе: все понятно, ты мертв – и началась жизнь после смерти. И было хорошо – с любовью, славой, деньгами, выступлениями. Но когда стихи вдруг вернулись – это был самый счастливый момент в моей жизни.

Не думал, сколько мне еще предстоит написать. Обычно начинают лет в 25 – случай с Рембо исключим. Заканчивают в 70. Если книга рождается раз в пять лет, за это время автор заметно меняется как личность, – выходит, поэту отмеряно 9 книг. У меня к 52 годам – уже 14 книг стихов и прозы...

– Дмитрий Воденников – поэт московский или российский?

– Что это такое – поэт отдельно взятого региона? Знаете, люди много говорят и делают глупостей. Меня вчера на творческой встрече назвали музыкантом – а я никогда им не был. Откуда, из какого символического поля взялось это слово и прилепилось ко мне? В «Википедии» его нет, там указано: Воденников – поэт, прозаик, эссеист. Я русский поэт. Пишу по-русски. Говорю по-русски. Даже сны вижу только по-русски: никакой тарабарщины.

– Какого памятника не хватает Москве?

– Очень многих. Мне очень не нравится новый памятник Калашникову. Я не искусствовед, но, по-моему, ему не хватает стрункости. Стоит дядечка с автоматом – он что, готовит нас к войне? Не думаю, что нас так готовят – сейчас мирная оптика.

Хотя, пожалуй, третьей мировой стал COVID. Я переболел, и это было ужасно. Температура 39 не сбивалась никоим образом. Внедрили тотальную слежку. От дома нельзя было отходить, а я гулял с собакой – так мне выписали штрафов на 20 тысяч...

К вопросу, в какой стране мы живем. Про каждого все известно. Я пришел сделать прививку от коронавируса – медсестра заглянула в свой ноутбук и назвала точные даты, когда я перенес COVID. Знали ли мы, что так будет?

– На фестивале в ходе творческой встречи вы привели пример, как можно переписать Ахматову. Как часто правите классиков?

– Мы часто неправильно запоминаем. Я в 25 лет пришел преподавать в школу. Завуч, Татьяна Юрьевна Чернова, рассказала мне такую историю. Мальчик выучил стихотворение

Пушкина «Анчар». Но строчки «И умер бедный раб у ног / Непобедимого владыки» прочел своеобразно: «И умер рапунок». У каждого есть такие рапунки.

У Тютчева есть потрясающее стихотворение «Нет дня, чтобы душа не ныла». Всегда думал, что оно о клаустрофобии. Прочел как-то его приятелю, а тот меня поправил – последняя строчка у Тютчева звучит иначе...

– В чем притягательность стихов? В их ритмизованной структуре?

– Ну, ритм есть и верлибре. Ян Сатуновский написал стихотворение из одной строки: «Главное иметь нахальство знать, что это стихи». Я всегда повторял это стихотворение с ошибкой памяти. «Самое главное – иметь наглость знать, что это стихи». Дописал одно слово, изменил «нахальство» на «наглость». Мой вариант мне нравится больше. «Г» звучит упоительно грубо, «наглость» короче «нахальства», как шлепок той же перчаткой по лицу...

Вернемся к силлаботонике. Рифма никуда никогда не уйдет. Стихи – это магия. А поэт – маг, только без волшебной палочки. Что всегда новое – так это разъем темы. Человек пишет о смерти, любви – и вдруг умудряется повернуть рычажок. Это значит, есть небесный штепсель, сделать который ты сам не додумался.

– Ваши любимые авторы?

– Линор Горалик, Кирилл Медведев, Федор Сваровский, Мария Степанова. Книга степановской прозы «Памяти памяти» вошла в шорт-лист международной Букеровской премии. Это же событие! Еще назову Дмитрия Данилова – это очень хороший поэт. Иван Елагин – потрясающий поэт, впервые прочел его стихи в «Огоньке» времен Коротича. Замечательный современный поэт – Михаил Айзенберг. Когда мне было 25 лет, он сказал потрясающую фразу: «Сюжет в стихах притворяется сюжетом». Очень нравится, как пишет Вера Павлова. Ее стихотворение «Они влюблены и счастливы» – как будто взято из воздуха. В Серебряном веке одним из лучших был Ходасевич. Помните его стихотворение «Обезьяна»? Его сделала последняя строчка: «В тот день была объявлена война». Из прозаиков особо выделяю Марселя Пруста. Он хотел написать бесконечную книгу – «В поисках утраченного времени»...

– Вышеупомянутых литераторов что-то объединяет?

– Они все реально серьезные мастера слова.

– Бунин боялся, что в его череп заползет змея. А Вы – много ли боитесь?

– Да, многого. Очень боюсь нескольких смертей. Несмотря на то, что с кем-то жизнь развела... Боюсь испытывать бессилие, проходить через унижение. А вот собственной смерти не боюсь.

– Как давно?

– У меня был текст на портале «Газета. Ру». Мы сейчас беседуем на турбазе в Кузбассе, а я однажды жил в похожем месте: березы, домик у озера. Я приехал выступать в парк-отель, но там очень плохо брал вай-фай, так что делать было нечего. И вот представьте себе: ночь, свет в одинокой избушке – янтарный, уютный, чересчур красивый. И вдруг что-то заскребло в окно. Оказалось, это была всего лишь бабочка. У нее сбился навигатор. Пожалуй, это тема для стихотворения: бабочки летят в пасть огня – с той же агрессией, что я произнес это сейчас. Но стихи – всегда агрессия. А в тот момент я схватил образ, что такое смерть. Ночь за тонкой гранью окна – смерть. Желтый свет позади тебя в комнате – жизнь. Переход микроскопичен. Только подвинь лицо. Бояться тут нечего – просто есть смерть, а тебя нет. И всё. Долгое умирание – очень некрасиво, да, это правда. А вот быстрая – это не страшно.

– Помнить все – чудовищная мука, недавно вы писали об этом эссе. Признайтесь, что бы вы предпочли забыть?

– Очень хотелось бы забыть, как несправедливо обижал некоторых. Раскаиваюсь. Я бурный человек, и просить прощения невозможно. Ты всегда будешь помнить, что орал в лицо страшные слова... И пусть даже этот человек тебя простил, но ты себя – нет.

– Какого цвета ваш голос?

– Он фиолетовый. Да, именно такой.

– На вчерашней творческой встрече вы заявили, что люди, занимающиеся литературой, не вполне здоровы. Почему?

– Когда к тебе приходит звук, ты превращаешься в существо, хищно поднимающее голову, прислушивающееся, ловящее этот звук. Ты словно хочешь заглотить его своей красной пастью. Нормальные человеческие желания – переспать, «покушать», иметь хорошую зарплату. А ловить звуки – не нормально. Но поэт хочет слышать слова, и за это готов все отдать.

– Завершая нашу беседу, хочется вспомнить ее начало. Вот мы с вами говорим о природе творчества – а кто-то очень хорошо знает, заглянув в свой компьютер, как давно и надолго мы заболели поэзией...

– Очень круто. Запомните эту мысль, Юрий, – об этом стоит написать подробнее.

– Ваши пожелания участникам Бельмасовского фестиваля?

– Человек стал отличаться от животного, когда начал сочинять стихи, сказки, песни. Не ожидал, что в Ленинске-Кузнецком столько людей, желающих слышать, как слова нанизываются на нитку. Пусть ваше слово от вас не уходит. Это не значит, что все тексты будут прекрасны – куда важнее сама интенция, желание писать.

Я однажды прочел, что мир прирастает прошлым – это фантастическая по силе мысль. Мы не можем это уложить в голове, поскольку мы не так устроены. Читаешь текст в ноутбуке – и в этот миг это становится прошлым. То есть мир – не то, что нам кажется. И это взрывает мозг. Но с этой мыслью неизбежно придется смириться.

Беседовал
Юрий ТАТАРЕНКО.

